20 декабря день образования Амурской области. Образование Амурской области своими истоками тесно переплетается с историей казачества. Ведь именно они одни из первых покорили земли Амура. Казаки... Имя этого народа, навечно покрывшего себя славой своих подвигов и побед, известно во всём мире, и, наверное, нет в России события, более значимого в истории, где казаки не проявили бы себя как зачинатели, будь то Пугачёвская «смута» или война с Наполеоном. Столь же ярким явилось свойство казаков как первопроходцев и открывателей новых земель, становившихся впоследствии русскими. Одной такой русской стала река Амур, и сегодня невозможно представить без неё нашу матушку Россию.

Ведь первейшую роль в деле присоединения Амура к России принадлежит казакам. Амур сегодня исключительно русская река, и каждая пядь его берега, вплоть до Тихого океана, полита потом и кровью наших казаков. Каждый житель России должен понимать, что наравне с Доном и Волгой, Леной и Уралом, где казаки проводили политику царя и делали эти земли русскими, Амур явился той передовой, где очередной раз выковывался характер великого и непобедимого русского воинства. Исходя, из этого мы подготовили концерт с элементами театрализации «Нет краше земли Амурской, в процессе, которого тесно познакомились с историей покорения Земли Амурской, с традициями и обычаями казачества. Концерт начался с зачтения глашатаями указа царева, призывающего казаков покорить земли на рубеже с Китаем. Собрался станичный сход, и решили охотников отпустить в поход. И вот казаки уже на кочах плывут покорять край ,где несметный клад заложен. Показался Амур, зазвучала мелодия песни »Амурские волны». Атаман пьет из серебреного кубка воду из Амура и все выходят на берег. Со сцены прозвучали веселые разудалые вольные, как и сами казаки ,песни в исполнение вокальной группы «Рябинушка». Песни «На горе стоит казак», «А я чернява», «Полюбила казака « будоражили души и озорные казаки зазывали в пляс всех желающих. Познакомили с играми казаков. Задорно прошла игра «Поцелуйчики» под веселые наигрыши гармони. А ведь главной казачьей заповедью является любовь к Родине, которая ярко прослеживается в их пословицах и поговорках,

загадках. В чем мы убедились проведя конкурсы загадок ,пословиц и поговорок. Концертная программа закончилась стихами и песнями о любви к своей Родине, к Амурской земле . Мероприятие прошло живо, очень интересно. Несло познавательный характер. Зритель узнал о том, как шло освоение Амурской земли в ходе представления. Было исполнено много раннее неизвестных песен. Существовала тесная связь зрителя и участников мероприятия.

Река казачьей славы

Среди бескрайних просторов России, где голубой лентой тянется к океану величавый Амур, не всякий исследователь заметит на карте крохотную точку населённого пункта со звучным названием Екатерино–Никольское. На секунду задержится взгляд на ничем не примечательном месте и скользнёт рассеянно дальше, блуждая по бесконечному пространству диких степей и гор, натыкаясь на подобные, разбросанные, словно звёзды в бездне космоса, городки и деревушки огромной нашей земли.

Там, на краю русской земли, где река изгибаясь волнистой линией, словно вторгается непрошеным гостем в запредельную территорию южного соседа Китая, расположился необычный населённый пункт, где по величине шрифта легко определить количество жителей, а по удалённости и зелёному цвету географической карты - род занятий живущих там людей.

Но не каждому известно, что село это имеет свою историю, во многом трагическую, и когда-то являлось центром протянувшегося на сотни километров вдоль берега Амура края, со множеством таких же, мало чем примечательных в наше время сёл и деревень, а в прошлом цветущих казачьих станиц.

Всего лишь три столетия назад край Амурский был малонаселённым, по лесам и протокам проживали лишь немногочисленные племена аборигенов, нанайцев, орочей, удегейцев…

Незаметно край преображался, и на высоких берегах стали появляться станы сибирских казаков. Вначале это были небольшие пограничные посты, но, постепенно разрастаясь, превратились они в крепкие звенья одной цепи станиц, протянувшись по всему течению Амура, от верховьев Шилки и до истоков Уссури.

Высокие неподтопляемые берега Амура стали естественным оборонительным щитом, где казаки вплоть до самой революции исправно несли свою службу. Дозоры, секреты, заставы с вышками - всё это не ново в пограничной службе того времени и с успехом применялось казаками с незапамятных времён. Проявляя достойное усердие, казаки не позволяли соседям - китайцам незвано вторгаться в свои владения, отбивали бандитские набеги хунхузов. Умело контактировали с сопредельным населением, получая от жителей, среди которых у казаков были свои информаторы, сведения, необходимые для предвидения и предотвращения возникавших стычек между двумя народами. В этом деле у казаков был богатый многовековой опыт. В жизни, лишённой всякой романтики, сформировалась самобытная культура казаков, с их обычаями и традициями, неразрывно связанными с пограничной службой. В этом особенном ремесле наши предки были много мудрее нас, и если учиться нам, то только на опыте прошлых поколений.

Нельзя сказать, что заселение Амура было простым и сиюминутным делом. Новая земля таила в себе много неизвестного, и опасного, и как нелегко начинать жизнь на новом месте, знают немногие. И если человеку вольготно у себя дома, то как его можно убедить, что где-то жизнь лучше. Но в данном случае речь идёт не о простых крестьянах или ремесленниках, а о казаках, народе, ни на кого в России не похожем, ни характером, ни традициями, одна из которых обязывала казаков охранять рубежи. Служба русскому царю принуждала казака в который раз оставлять насиженное место и осваивать новые земли.

Известно, что на Амур казаков переселяли по жребию, и первые партии, так называемые «сплавы», формировались из Забайкальских станиц. По воспоминаниям губернатора Корсакова, «…волнения среди станичников были ужасные, все боялись вытянуть жребий. Никто не знал, что ждёт впереди, а дома жилось не дурно». Но приказ царя для казаков соблюдался неукоснительно, и первыми, кто взял на себя тяготы новой жизни, были именно Забайкальцы. В конце века ряды забайкальцев пополнила большая группа казаков Кубанского и Терского войска. Примерно в это же время формируется Уссурийское Казачье Войско. Для его становления из донских станиц выселяется 338 семей.

Ещё весной 1856 года все селения 2-й конной Забайкальской бригады облетело известие о вызове охотников идти переселенцами на Амур. Но таковых не нашлось и пришло распоряжение о наборе переселенцев посредством «жеребия», и назначения по усмотрению начальства. Формирование и сплав первых переселенцев были возложены на командира бригады Хилковского.

В объявлении о наборе значилось: переселяющимся будут отведены места самые удобные для хлебопашества, имеющие хорошие пастбища для лошадей и домашнего скота, воду и лес в достаточном количестве; переселяющиеся пользуются двухлетней льготой от службы; они получают 15 рублей пособия и в течение двух лет провиантское довольствие, а бедные, кроме того, бесплатное обмундирование и пр. Но все эти «обещания», позолоченные пояснением хитрого Хилковского, что на Амуре - рай, нисколько не прельщали казаков, живших сравнительно в довольстве и не нуждавшихся в перемене места, и всякий из них, вытянувший билетик с роковой надписью «в Амур», носил вид приговорённого точно к смерти; родные встречали его рёвом и плачем. Трудно передать в словах и то состояние людей, когда и провожавшие, и те, кто уезжал в дальний край, вцепившись в друг друга, ревели рёвом; их силой растаскивали, связывали верёвками и насильно клали на телеги; подростков стаскивали с крыш; старухи причитали, как над покойниками… Всё это повторялось при въезде во встречные селения и только с посадкой на баржи прекращалось.

Первые годы жизни на Амуре были сопряжены с огромными трудностями. Кроме того, что казачьим семьям надо было обустраивать свой быт на новом месте: строить дома, корчевать под пахоту земли, вести заготовку кормов для домашней скотины и пр., в их первейшие обязанности входила та самая служба, без которой казак не казак. И те два года, на которые он освобождался для обустройства быта, зачастую в расчёт не брались, особенно, когда вставал вопрос выживания. Ко всем внешним трудностям добавлялись и «внутренние», связанные с привыканием к климату, окружающей среде, к тем видам деятельности, которые были забайкальцам не знакомыми, а на это иногда уходят годы. Однако в этих переменах было немало и полезного, в том числе и для самой службы.

Основной транспорт доставки – плоты, и те тонули, перегруженные, и разбивались на быстрых перекатах Шилки. Скотина мёрзла в воде, болела, овцы слепли. А то, что удавалось довозить, воровали тигры и волки. Посаженную наспех картошку за ночь вытаптывали дикие кабаны, табуны их насчитывали тогда многие сотни. Бедствия страшные, да только не просто напугать природными трудностями казака. Опасней был человек. Соседи хунхузы «не спали». Не нравилось им такое соседство, а о новых поселенцах они были наслышаны достаточно. Для казаков стоял вопрос жизни и смерти на новой земле. Работали по 15 часов в сутки, все, даже пятилетние дети и женщины.

Впрочем, жёнам казаков было не привыкать, другой жизни казачки и не знали. Казаки сами рубили дома, ставили пристани, клали печи для выпечки хлеба. Мешали глину для кирпича. Всё делали быстро и добротно, опыт на то имелся. Самыми трагичными были первые зимы, когда кончался запас продуктов и кормов, из-за этого приходилось резать последнюю скотину. Кормились желудями, даже варили кожу. Большой была смертность среди детей. Но казаки выжили.

Возвращение

Знать, на то была воля бога, что однажды оказавшись на Амуре, русские казаки непременно должны были вернуться на эти берега. Но на этот раз их приход уже не был стихийным импульсом вольного народа, а продиктован волей и желанием целого государства. Неоценимый вклад в это великое дело внес Геннадий Иванович Невельской. Во многом благодаря его личной инициативе и героическим усилиям, освоение и заселение русскими этой далёкой земли стало реальностью.

12 февраля 1851 года Невельской был назначен начальником Амурской экспедиции. С первых шагов своей деятельности Геннадий Иванович вёл упорную борьбы за право России утвердится на Дальнем Востоке. Сам Невельской писал об этом: «Мы встретили 1852 год с твёрдой решимостью, не отступая ни перед какими преградами, исполнить свой долг перед Отечеством».

Возглавляя Амурскую экспедицию, в январе 1852 года Невельской посылает подпоручика Д.И.Орлова в район Тугура. В феврале мичман Н.К.Бошняк отправляется на Сахалин, а мичман Н. М. Чихачёв – на Амгунь. Приказчику Российско-американской компании А.П.Березину поручается изучить обстановку по берегам Амура, двигаясь вверх по реке, до Китая. По результатам вернувшихся из этих командировок сотрудников Невельской сообщает генерал-губернатору Восточной Сибири, что китайских пограничных знаков в Приамурье и на Сахалине не обнаружено и местное население не имеет над собой ничьей власти. То есть, государственного контроля «со стороны Китая за землями, отрешёнными от России по Нерчинскому трактату, не было, и нет». Невельской категорично заявляет Муравьёву о своей нравственной ответственности за присоединение неразграниченных территорий к России:

«Мне предстояло и ныне предстоит одно из двух: или действуя согласно инструкции потерять навсегда для России столь важные края, как Приамурский и Приуссурийский,

или же действовать самостоятельно, приноравливаясь к местным обстоятельствам и несогласно с данными мне инструкциями. Я избрал последнее».

В январе 1853 года капитан 1ранга Невельской принимает ещё одно дерзкое решение – немедленно выдвинуться на Сахалин и занять бухту Де-Кастри, чтобы к весне опередить возможное прибытие в татарский пролив иностранных судов. Весной 1853 года мичман Бошняк открыл побережье Татарского пролива залив Хаджи, названный им гаванью Императора Николая 1. 23 мая он объявил собравшимся местным жителям – орочам – о принадлежности залива России и о том, что отныне они принимаются под защиту и покровительство Российского государства.

В сентябре 1853 года по повелению правительства России Невельской официально занял Сахалин. В итоге, благодаря Г.А.Невельскому на Дальнем Востоке появились русские военные посты: Николаевский и Мариинский – на Амуре, Александровский в заливе Де-Кастри, Константиновский - в Императорской гавани, Ильинский и Муравьёвский на Сахалине.

По решению Муравьёва главным пунктом Амурской экспедиции был определён Николаевский пост. С 1855 года Николаевский пост фактически стал главным портом и крепостью России на Тихом океане. Летом этого же года прошёл второй сплав по Амуру, который не только укрепил Нижний Амур военной силой, но и доставил иркутских и забайкальских крестьян для заселения Приамурья.

Особенно драматично проходил первый сплав. Под руководством военных моряков П.В. Казакевича и А.С. Сбигнева были построены плавсредства, в том числе первый на Амуре пароход «Аргунь», баржи, баркасы, плоты, лодки; М.С.Корсаков отвечал за формирование войск, а общее руководство сплавом вёл Муравьё. Всего в нём участвовало около тысячи человек, в том числе сводная сотня Забайкальского казачьего войска, которой командовал есаул 3-го конного полка Алексей Имберг.

Сводная сотня первой экспедиции «в Амур» (как тогда говорилось) состояла из 149 человек, включая сотенного командира, хорунжего, урядников, двух трубачей и фельдшера. Оставив в родных станицах жён и детей, они вернулись лишь в начале зимы следующего года. Те кто оставался, управлялись с хозяйством, вели дом, обихаживали детей и стариков. Без своих мужей, справится с такими трудностями было равносильно подвигу.

Сплав начался 14 мая 1854 года с Шилкинского завода. Вот как рассказывал о нём чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Н.Д. Свербеев:

«14 мая рано утром отдан был приказ по лагерю выступать в путешествие после полудня. День был чудный; солнце ярко освещало берега Шилки и хребты, и долины, озарённые его светом, казалось, радовались тому, что происходило на реке. Около четырёх часов пробили тревогу. Из лагеря вышел генерал-губернатор со свитой, и все мы двинулись к берегу. Здесь на поляне стоял небольшой стол, покрытый скатертью, на нём – икона Божьей Матери (из Албазина), которой местный священник благословил нас.

Из-за реки, из церкви Шилкинского завода, понеслись хоругви и иконы; за ними шёл освящённый собор и клир; раздался благовест с колокольни. Святое шествие перешло в лодку, чтобы переплыть к лагерному месту, и тихо понеслось по реке молитвенное пение. Хоругви осенили лагерный берег, все сняли шапки, замолкли сборы и говор, и дьякон обычным порядком начал служение; о плавающих возносилось моление Господу, о ниспослании свыше благословения. Молитва кончилась; генеральская лодка подняла на мачте флаг. Все встали по лодкам, скомандовали отвал. Впереди всех понеслась лодка генерала, а за ней все прочие суда. Запестрели перед нами берега Шилки, оглушаемые громкими криками «ура» и плесками вёсел. Великолепна была Шилка в эту минуту, гордо катились её воды, ей, кажется, полюбилась флотилия, которая неслась перед её берегами навстречу свежему делу».

Через четверо суток огромная флотилия вошла в Амур, и под звуки гимна Н.Н.Муравьёв, зачерпнув стакан амурской воды, поздравил всех с началом плавания по великой дальневосточной реке.

«Вступив в воды реки Амур, -вспоминал Свербеев, -флотилия 20 мая подошла к месту, где 165 лет назад существовал Албазинский острог, следы которого были ещё видны. У этого пустнынного холма, священного преданиями, заиграла музыка на флотилии, на всех судах скомандовали молитву, все встали и сняли шапки. В этом молитвенном приближении к месту древнего обиталища наших соотечественников, уже давно почивших, слышалось благоговейное почитание потомков к историческому пепелищу!...

15 июня флотилия прибыла к устью Амура, в Мариинский пост, основанный экспедицией Г.И. Невельского. Част прибывших войск была переброшена на Камчатку и приняла участие в героической обороне Петропавловска при нападении на него англо-французской эскадры. Казачья сотня была направлена в бухту Де-Кастри для защиты поста от нападения неприятеля. Эта сотня стала первым подразделением государева казачества в Приамурье.

1858 год в жизни Амурского края был знаменателен своими событиями, имеющими историческое значение. Ещё с зимы 1857 года начали в Забайкалье готовиться к экспедиции1858 года. Прежде всего было предложено Муравьёвым усилить образовавшиеся в 1857 году Амурские станицы новым приселением к ним казаков, потом заселить местность от Хингана до Уссури и, наконец, положить начало заселения самой Уссури. Но, главным образом, Муравьёв стремился в этом году оформить свои захватные владения на Амуре подписанием с китайцами трактата, который и явился бы венцом его многолетней и энергичной деятельности на Амуре, что ему удалось сделать скоро и легко, чего не ожидал он сам.

Выехав на катере, вместе с преосвященным Иннокентием, тотчас за льдом, Муравьёв прибыл в Усть-Зейскую станицу 6-го мая. Здесь он узнал, что китайский уполномоченный, князь И-Шань, тесть Императора, прибыл в Айгун и ожидает Муравьёва для переговоров. Послав чиновника сказать И-Шаню, что он вскоре выезжает, Муравьёв занялся осмотром гарнизона и станицы, показав тем самым китайцам, что он не особенно торопиться с переговорами. В этот промежуток времени Муравьёв, по случаю заложения храма во имя Благовещения, переименовал 9-го мая Усть-Зазейскую станицу в Благовещенскую. 10 мая Муравьёв на вооружённом катере, конвоируемом двумя канонерками, с оркестром музыки иркутских казаков, явился под Аугун, и 16-го мая заключил договор.

Следует отметить, что китайцы упорно не соглашались с условиями русских, старались всякими уловками оттянуть переговоры, но Муравьёв был непреклонен, напомнив китайцам, что они в таком же положении находятся сейчас, как русские в 1689 году при заключении Нерчинского договора, то есть бессильны. После этого он приказал прервать переговоры и выехал из города. Это так подействовало на И-Шаня, что он тот час подписал договор. Так Амур сделался достоянием России.

В ночь с 17 на 18 мая Муравьёв возвратился в Благовещенскую станицу; на другой день, в воскресение, состоялось торжественное празднование по случаю заключения договора, которое, по словам протоиерея Сизого, продолжалось целую неделю при

громе пушек и звона одного пятифунтового колокола.

Судьба неодинаково благосклонно отнеслась к подписавшим Айгунский договор. Н.Н. Муравьёв был возведён в графское достоинство; перо, которым он подписал договор, любовно хранится потомками; князь И-Шань был разжалован и лишён прав и ему, по преданию, существующему среди маньчжур, отрублена была рука, подписавшая такой постыдный для Небесной империи договор. Губернатор Айгуна Жира Мин-го также был разжалован и сослан в Сан-Син. В 1859 году он, узнав о прибытии Муравьёва и подкупив стражу, приехал на Амур. Об этом свидании Б. Кукель так повествует в своих воспоминаниях: «Жалкое зрелище представлял при этом семидесяти летний дряхлый старик, с тяжёлой, в квадратный аршин, колодкой на шее, которого я раньше видел окружённого почётом и роскошью. Несчастный старик не принял предложения бежать в Россию и со слезами объяснил, что в Пекине находятся в качестве заложников его сын и дочь, которых казнили бы, если бы он бежал: при этом он просил передать письмо Муравьёву, сам же он не мог далее ждать графа, так как средства для уплаты стражникам истощились. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что письмо бывшего губернатора содержало в себе ругательства по адресу Муравьёва, будто бы погубившего его. Граф, несмотря на это, оказал ему денежную помощь».

Постепенно налаживалась жизнь на Амуре, появлялись станицы, росло их население. В 1858 году уже всё пространство от Хингана до Уссури было занято под поселения. В этом году была самая крупная партия переселенцев, вёл её Пузино. Она состояла из 360 семейств пеших казаков, набранных от всех 12 батальонов. Так появились на карте новые станицы Амурского казачьего батальона.

Раддевская, названная в честь натуралиста Радде, жившего около этой станицы в 1857 году и занимавшего ся зоологическим и ботаническим исследованием Хингана по поручению Русского географического общества. Там же, на высоком пригорке была построена в 1866 году часовня в память избавления Императора Александра 2 от злодейского на него покушения 4 апреля 1866 года.

Помпеевская, названная по имени Помпея Поликарповича Пузино, первого командира Амурского пешего батальона.

Поликарповская, названная по отчеству того же Пузино.

Екатерино-Никольская. Одна из самых красивых станиц на Амуре была названа в память супруги графа Муравьёва – Екатерины Николаевны, сопровождающей его неоднократно на Амур.

Пузино – в честь вышеупомянутого командира батальона.

Нагибова – в память известного казака Ивана Нагибы, бывшего при завоеваниях Амура ещё в 17 веке. Он с 30 казаками был послан для розысков Хабарова, но разъехался с ним, неоднократно бился с инородцами, вынужден был с устья Амура морем плыть на кочах для возвращения в Якутск.

Добрая. При первом посещении графом Муравьёвым этого селения, он спросил казаков: «каково место?» - «Место доброе», отвечали казаки. «Ну, так и зовите станицу Доброй», сказал им граф. Полковник Будогорский, выбирая место под заселение батальона, назвал это место также добрым, предполагая на взгляд, что оно представляет огромные выгоды для хлебопашества. Оказалось же, что это место затопляется водой, от чего жители раскочевались и до самого последнего времени на этом «добром» месте торчал уныло один домишко.

Квашнина – в честь казака Квашнина, действовавшего в 17 веке.

Дежнёва – в честь славного Дежнёва, ходившего на Сибирь и ранее Беренга открывшего пролив между Азией и Америкой.

Михайло-Корсаковская – в честь Михаила Семёновича Корсакова, деятельного

сотрудника и помощника Муравьёва при занятии и заселении Амура.

Он начал службу при Муравьёве с обер-офицерского чина, а кончил – свиты его Величества генерал-адьютантом и генерал-губернатором Восточной Сибири. Таким быстрым выдвижением по службе Корсаков обязан всецело Муравьёвы, бесконечно любившему его и ценившему в нём высокочестную и усердную службу. Он умер в 1871 году от тифа в Петербурге.

Воскресенская – названа самими казаками во имя Воскресения Господня.

Степанова – в честь известного казака Онуфрия Степанова, действовавшего на Амуре после Хабарова и погибшего в речном бою с китайцами у устья Сунгари.

Головина – в память якутского воеводы Головина, посылавшего на Амур казаков для поиска «землицы».

Вознесенская – названная самими казаками во имя Вознесения Господня.

Петровская – во имя апостола Петра, так же названа самими казаками.

Луговая – имя взято от больших луговых мест, окружавших эту станицу и соседние с ней селения. Роскошный вид этой равнины, с высокой волнующей травой, не раз давал повод путешественникам, описывающим страну из окон уютного парохода, прокатиться на счёт лени казаков, якобы не способных использовать эти природные богатства, своего рода «Амурские прерии», где единственная царица сих лугов, цапля, не может найти сухого места для выводка своих детей.

В том же году Муравьёв поспешил занять Уссури, не ожидая разграничения с Китаем согласно Айгунского договора. По его распоряжению из сплава есаула Пузино туда были двинуты, в составе роты, сорок пять семейств пеших казаков, положивших

основание Уссурийского пешего батальона. Под непосредственным руководством своего первого командира батальона, войскового старшины Киселёва, казаки заняли три селения: Корсакову, названную в честь уже известного Михаила Семёновича, трудившегося над воссозданием Амурского края, Казакевичеву, названную в честь первого военного губернатора Приморской области контр-адмирала Казакевича, деятельного сотрудника Муравьёва; Невельскую – в честь контр-адмирала Генадия Ивановича Невельского, как уже известно, открывшего устье Амура и впервые положившего основание нашего владычества на Амуре.

С прибытием 236 человек штрафных нижних чинов переселение в 1858 году закончилось. Торопясь заселить Амур, Муравьёв не разбирал качества переселяемых и узнав, что богатые казачки под разными предлогами уклоняются идти на Амур, он, не задумавшись о последствиях, испросил у военного министра Сухозанета разрешения зачислить в казаки около двух тысяч солдат, отбывающих наказание в разных тюрьмах бывшего корпуса внутренней стражи, равным теперешним дисциплинарным ротам и батальонам. Военное начальство радо было отделаться от этих солдат, переполнивших все военные тюрьмы и мало исправлявшихся, несмотря на жестокие побои и шпицрутены. Шли эти «новые» казаки, как их называл Муравьёв, партиями в пятьсот человек этапным порядком из Иркутска, в Чите распределялись по сплавам на Амурские баржи в качестве рабочих и уже на Амуре расчислялись по станицам. Муравьёв был доволен ими и так писал Корсакову: «Я не думаю трогать дрянных твоих казачков, которые всё только пищат, а хлеба не сеют; они тогда только пригодятся в люди, когда мы их на половину разбавим русскими людьми; везде, и здесь на Амуре, эти штрафные - молодцы; спасибо за них Сухозанету! Это просто учителя для казаков: даже лодки строить, рыбу ловить и баржи с мели снимать».

Право же, необычно звучит это высказывание, человека, обязанного, пожалуй, всем своим достижениям на Амуре именно казакам, которых Муравьёв называет дрянными. При этом губернатор ясно даёт понять, что видит разницу между казаками и русскими людьми, коими он силился разбавить казачье сословие. И что же выходит на деле из этого его решения?

Поближе узнав этих молодцов, войско говорит о них совершенно иное. Они, действительно, явились «учителями» казаков по части воровства, пьянства, лени, ослушания и прочих преступлений. Прошедши «огонь, воду, и медные трубы», «сынки», как их называли казаки, выпущенные на свободу, дав своим прочим страстям полный разгул, не только не явились в кругу казаков полезными членами, но внесли туда разврат и заразили их нравственно и телесно. По части воровства они были настоящими художниками и пословица: «на ходу подмётки подрезали» - осталась как памятник, об их пребывании в войске. Воровство они считали «заработком» и, пропивши быка, коня, зуб

для бороны и прочее, выданные от казны на устройство хозяйства, гурьбой устремлялись в город Благовещенск «на заработки». Но здесь их принимали не особенно гостеприимно, что и видно, например, из приказа губернатора Буссе: «казаки из нижних чинов бывшей внутренней стражи, увольняемые в Благовещенск на заработки, по прибытии в город, как люди совершенно отвыкшие от работы, предаются пьянству, а затем воровству, через это жители города опасаются даже пускать казаков к себе на квартиры, а потому, в видах спокойствия города, предписываю их забирать и отправлять по месту жительства».

Этот эпизод ещё в 1913 году описывал бытописатель казачьей истории Евграф Савельев. По его словам он «… в прах разбивает детскую теорию некоторых русских историков, утверждавших, что наше казачество составилось из разбойников и всевозможных отбросов общества, беглых бунтовщиков и преступников». «Эти лица, впрочем, с первых же шагов оказалось никуда негодными для поставленной цели – защищать границу и образовывать в этом крае послушное законами и дисциплинированное, но в то же время идейное население, которое служило бы не только за страх, но и за совесть. Совести же в преступных элементах не оказалось и они всеми силами уклонялись от какой бы то ни было службы, предпочитая пропивать всё выданное обзаведение и нищенствовать по станицам, внося в казачье население крайнюю деморализацию».

Через двадцать лет после этого опыта, правительство вынуждено было, для спасения Амурского Войска от нравственной гибели, исключить из войскового сословия 900 семейств бывших штрафных солдат и приписать их к сельским и городским обществам, а остальным семействам в числе 160, было предложено или переселиться на Уссури, или же возвратиться на родину в Россию, чем многие и воспользовались.

В разгар самого движения переселенцев граф Муравьёв проплыл на пароходе «Лена» к устью Амура, а оттуда в Японию для переговоров по поводу острова Сахалин: по пути он останавливался в станицах и объявлял казакам, что они, согласно воле Государя Императора, отныне составляют самостоятельное войско: он призывал казаков защищать Амур, в случае надобности, до последней капли крови по примеру предков-албазинцев.

В свите его находился писатель, англичанин, Руссель-Килуга, любовавшийся заселением русскими Амура и восторженно отзывавшимся обо всём, им встреченном там. «Что сказать об Амуре», -говорит Руссель в своей книге, - «если смотреть на него с точки зрения артиста или поэта? Я нахожу, что это одна из прелестнейших рек во всём мире. Она не страдает однообразием больших рек Америки, в водах её нет отвратительных чудовищ; река всегда чиста, прозрачна; берега её представляют всевозможные виды: то они покрыты лесом, то совершенно обнажены, то расстилаются как океан, то возвышаются как бесконечные скалы».

Про Албазин он пишет: «Высадившись, мы поднялись с генералом Муравьёвым на холм, служащих убежищем стольких героев, в память которых воздвигнут только крест. Всё зеленело вокруг нас, в особенности китайские луга, облитые заходящими лучами солнца, но поле битвы отличалось особенно яркой зеленью и поднималось лёгкими бугорками на могилках… Теперь улицы этого восточного Севастополя совершенно спокойны и по ним разгуливают казаки, постоянно прибывающие сюда на Амур, в огромных барках со своими семействами, собаками, лошадьми, санями, телегами и даже маленькими медвежатами…»

«Далее», - продолжает Руссель, - «берега становились всё населённее и населённее и 3 1 мая утром мы услыхали залп артиллерии, сквозь дым которого виднелся ряд домов Благовещенска… Мы начинали чувствовать на востоке присутствие Америки… Г енерал Муравьёв, вышедший на берег при громе пушечной пальбы, был встречен офицерами в парадной форме и, осмотрев казаков, прямо отправился в дом губернатора этой, так называемой Амурской области. Кто бы подумал, что в таком отдалении от наших цивилизованных стран, существовали прелестные домики, роскошно меблированные, окружённые, не смотря на суровость климата, цветущими садами и снабжённые всем, что может доставить пищу уму и дать развлечение: фортепианами, музыкой и романами… 4 июня вечером мы пристали к русской деревеньке, где офицер угостил нас портвейном, привезенным из Америки. Это ничтожное обстоятельство так обрадовало меня, как будто на меня повеяло близостью милой родины… Ночью была сильная гроза и я слышал рёв диких зверей. Говорят, что в соседних лесах водятся тигры; они нисколько не боятся людей и не щадят их скотины. Мы провели ночь на судне, а на берегу собрались вечно беспечные казаки, распевая весёлые песни до одиннадцати часов, при блеске зажженных факелов».

Проезжая Уссури, Руссель восклицает: «Уссури, имя которой связано с убиением миссионера-героя Лабруньера и должно заставить биться сердце каждого католика, принадлежит теперь русским и они устроили на ней сносное плавание!» Завидуя в душе, что такая прелестная страна занята русскими, а не англичанами, Руссель, подъезжая к Николаевску, уже не скрывает своего этого чувства и высказывает скорбь: «В то самое

мгновение, когда на вершине нашей мачты появился флаг Муравьёва, встреченный с острова оглушительным залпом находящихся на нём пушек, маньчжурские горы дрогнули в основании, приветствуя знаменитого гостя…